

Карина Демина

Ненаследный Хельтова дюжина красавиц КНЯЗЬ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30 Хельмова дюжина красавиц. Ненаследный князь / К. Демина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 492 с. — (Ненаследный князь).

ISBN 978-5-517-11876-9

Тяжела жизнь королевского актора.

Шалят душегубы, не спят лиходеи, не знает отдыха и ненаследный князь, Себастьян Вевельский, волей Богов наделенный удивительным даром — изменять внешность. За многие годы службы не единожды приходилось ему примерять чужую личину, однако нынешнее задание и для него стало испытанием. Волей генерал-губернатора и собственного любимого начальства предстоит Себастьяну поучаствовать в конкурсе красоты «Познаньска дева» и вычислить колдовку силы небывалой, пока не подобралась она к королевичу, не застила глаза и разум черною волшбой да не развязала новую войну.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11876-9

© К. Демина , текст, 2024
© Е. Матвеева, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

По сути своей являющаяся прологом, в которой повествуется о младенческих годах, отрочестве и юности ненаследного князя Вевельского

Родила княгиня в ночь...

...из семейных хроник князей Вевельских

Много позже, на семейном совете, состоявшемся шестого травня года четыре тысячи двадцать пятого от сотворения мира, было решено, что во всем виновата черная коза, с которой княгиня Вевельская имела неосторожность столкнуться на прогулке.

Откуда бы знать ей, девице благородного рода, половину жизни проведенной в тиши и уюте закрытого аглицкого пансионна в окружении столь же благородных и немочных девиц, что брюхатой бабе, ежели встретится ей на пути коза черной масти, надлежит трижды повернуться через левое плечо и, скрутивши кукиш, сунуть козе под нос. А для верности еще плюнуть, желательно, промеж рогов.

Иначе быть беде!

Выскочит из козьего уха дух-перевертыш, да и вселится в ребятенка.

— Глупости какие вы гово-г-ите, — прелестно картавя сказала княгиня. И поднесла к глазам надушенный платочек. — Гебенок пгосто в деда пошел.

Она вздохнула и, кинув взгляд на молчаливого супруга, лишилась чувств. Так, на всякий случай. Впрочем, пассаж этот остался незамеченным: к обморокам драгоценной Ангелины Тадеуш, князь Вевельский, привык. В данный момент его больше занимала не супруга, но новорожденный сын. Он рассматривал наследника в лорнет, то поднося его к младенческой макушке, кучерявой и вызывающе черной. Младенец лежал тихо, не сводя с отца пристального, чересчур уж внимательно-го взгляда, каковой новорожденным вовсе был несвойственен, хотя, признаться, познания Тадеуша Вевельского в новорожденных ограничивались исключительно теорией, но ведь разумному человеку и теории довольно для правильных выводов.

Знать бы еще, каковые выводы были правильны.

— Ах, — вздохнула, возвращаясь в чувство, княгиня и томным отрепетированным жестом прижала руку ко лбу.

Она была красива, светловолоса и синеглаза, и ни болезненная бледность, ни испарина, выступившая на высоком челе княгини, не портили этой красоты. Глубокие тени, залегшие под глазами, и те придавали взору глубину и отрешенность.

— Покажите его... — шепотом попросила она, и кормилица поспешила исполнить просьбу.

— В деда, опгеделенно, в деда... тот тоже был... бгюнетом, — княгиня откинулась на подушки.

Нет, допустим, князь Вевельский смутно припоминал, что дед его драгоценной супруги и вправду был черноволос, но горба, не говоря уже о хвосте, он точно не имел. Тадеуш закрыл глаза, надеясь, что упомянутая часть тела исчезнет. И открыл.

Не исчезла.

Младенец же смотрел по-прежнему строго, не моргая. И губенки поджал, точно не одобрял этакой родительской нерешимости. Из кружевных пеленок, в кои обрядили долго-

жданного наследника рода князей Вевельских, помимо лысенького хвоста и кучерявой головки выглядывали розовые младенческие пятки. И кулачки, сжатые крепко, словно ребенок вознамерился до последнего отстаивать свое право на хвост.

— Коза энто, — с уверенностью повторила кормилица, женщина простая, деревенская, взятая в дом по рекомендации. Она была дородна, белолица и имела дурную привычку щипать щеки, искренне полагая, будто бы румянец наилучшим образом свидетельствует об исключительном ее здоровье и молочности. — Хельмово отродье! А хвост... да того хвоста — топором разок тюкнуть.

Хвост она легонько сжала пухлыми пальцами, точно примеряясь. И младенец вздохнул, закрыл глаза и закричал.

— От же ж, даликатны, — восхитилась кормилица и для важности добавила: — Як пански цуцик...

Женщина взяла юного княжича на руки и, вытащив белую какую-то румяную с виду грудь, сунула ее в раззявленный рот.

— С рогами Маша, — глубокомысленно произнесла она, проведя по пуховым волосикам. — А все одно наша...

Младенца нарекли Себастьяном в честь того самого аглицкого деда, которого весьма кстати вспомнила панна Ангелина. Первый месяц его жизни ознаменовался чередой супружеских скандалов, кои, впрочем, сошли на нет после того, как приглашенный ведьмак раз и навсегда опроверг подозрения вдовствующей княгини, чем немало ее опечалил.

— Все одно, виновата она, — Катарина Вевельская вооружилась веером, нюхательными солями и чувством оскорбленного достоинства, которое требовало немедленно удалиться из негостеприимного дома, где родной сын отвернулся от матери за-ради какой-то аглицкой девицы сомнительных добродетелей. Всякому известно, что воистину добродетельные девицы хвостатых младенцев не рожают.

...о приданом, оной девицы, немало и более чем своевременном, она предпочла забыть.

— Ах, матушка, вам бы все виноватых искать, — Тадеуш Вевельский тешил себя надеждой, что обе женщины, с мнением которых он вынужден был считаться, когда-нибудь да найдут общий язык.

И заодно подскажут, как быть с наследником.

Мелькала трусливая мыслишка, что было бы весьма удобно, подтверди ведьмак матушкины опасения. Окажись Себастьян не родным сыном князя, тот получил бы развод или хотя бы возможность отказать ребенку в имени...

...а приданое оставить.

— Гебенек выгастет, — Ангелина Вевельская в волнении картавила более обычного и, откинувшись в кресле, утопая в розовых атласных подушках, коими ее обложили для пущего комфорта, мяла платочек. Пропитанная маслом мяты и лимон-грасса ткань источала резкий аромат, который заставлял свекровь морщиться и с мученическим видом закатывать очи. — И быть может, хвост отвалится.

Вины за собой Ангелина Вевельская не видела, и на мужа обижалась всерьез. Лишь исключительное воспитание, полученное в пансионе, удерживало ее от банальнейшей истерики с битием посуды. И начала бы она с того преотвратительного фарфорового сервиза на двенадцать персон, преподнесенного к свадьбе дражайшей свекровью. Сервиз был покрыт толстым слоем позолоты, и самим своим видом, вызывающей роскошью, уродством, отравлял Ангелине жизнь.

— А если не отвалится, — свекровь впервые соизволила одарить невестку почти одобрительным взглядом. — Его можно будет отрезать. В конце концов, зачем человеку хвост?

Отрезать хвост не вышло.

Семейный доктор, к которому Тадеуш Вевельский обратился со столь деликатной просьбой, долго оглаживал бородку, щупал хвост, несмотря на явное неудовольствие юного Себастьяна, а потом со вздохом признал, что отрезать-то, конечно, можно, но за последствия он не ручается.

— Следует признать, что сей рудимент отменнейшим образом иннервирован, — доктор нежно провел по мягкому темно-

му пушку, покрывавшему не только хвост, но и всего младенца. Пушок пробился на третий месяц жизни, и покрыл смуглую желтоватую, точно подкопченную кожу Себастьяна ровным слоем. — Резекция его вызовет сильнейший шок у пациента...

Пациент заорал.

Голосом он обладал громким, и Тадеуш скривился, нянька же привычно сунула руку за пазуху, нащупывая грудь, но была остановлена князем.

Доктор же, отпустив хвост, который тотчас обвил ножку младенца, продолжил.

— А шок, весьма вероятно, вызовет *exitus letalis*¹.

Милейший Бонифаций Сигизмундович поправил пенсне, которое носил не из-за слабости зрения, но в силу собственной убежденности в том, что она слабая в глазах великоможных пациентов напрямую связана с ученостью. И хоть бы во всем княжестве не нашлось бы человека, который посмел бы вслух усомниться в учености Бонифация Сигизмундовича, он по-детски продолжал стесняться отменного, как и у всех поколений докторов Пшеславских, зрения. И скрывая стеснение, робость, вовсе несвойственную его давным-давно почившему батюшке, речь вел медленно, густо пересыпая умными словами, а то и вовсе латинскими фразами.

— ...или к существенной задержке психического развития, — завершил Бонифаций Сигизмундович и добавил веско. — Хвост чрезвычайно важен для формирования *modus operandi*.

Он выставил пухлый указательный палец, подчеркивая важность последних слов. И произнес:

— *Casus extraordinarius*²!

Признаться, пристрастие любезнейшего доктора к латыни ввергало князя Вевельского в тоску, напоминая о собственном образовании, каковое ему, несомненно, было дано — да и, помилуйте, разве возможно князю необразованным быть? —

¹ Летальный исход.

² Экстраординарный случай

однако дадено как-то поверху, куце. Отчасти виной тому был непоседливый норов княжича, с которым не способны были совладать ни уговоры, ни нотации, ни даже розги — а до них дело доходило частенько; отчасти — малые способности и отсутствие интереса к наукам. Как бы там ни было, но в голове, украшенной пятизубым венцом князей Вевельских, не задержались ни латынь, ни греческий, ни даже вновь вошедший в моду гишпанский. Впрочем, урожденный шляхетский гонор не позволил Тадеушу и ныне признаться в собственной слабости, понуждая к притворству. Князь провел ладонью по светлым волосам и, чуть склонив голову, ответил:

— Amen.

Он понял одно: хвост резать нельзя. И надежды на то, что отвалится, нет никакой.

— Не переживайте, — Бонифаций Сигизмундович искренне переживал за своих пациентов и, сделав ребенку «козу», обратился к князю. — С горбиком мы поработаем, выправим осанку. А что до хвоста, то вспомните, пан Тадеуш, *historia est magistra vitae*¹. В хрониках описан минимум один подобный случай. К слову, с вашим же предком, Мстивойтом Ярославовичем. Ему хвост нисколько не помешал занять Гжуславский престол.

Пример оказался удачен. Король Мстивойт, пусть и правил всего-то два года, в представлении Тадеуша Вевельского был человеком исключительных достоинств, каковые теперь просто-таки обязаны были проявиться в Себастьяне. И княжье семейство, затаив дыхание, принялось ждать от младенца великих свершений. Младенец орал, гадил и из всего семейства выделял лишь толстую кормилицу, да и ее, верно, почитал бесплатным приложением к груди, а ел он подолгу и с немалым аппетитом.

— Просто гебенку нужно вгемя, — убеждала себя и свекровь Ангелина Вевельская и с тайной надеждой поглаживала вновь округлившийся живот. Она искренне уповала, что нынешняя

¹ История учит жизни.

ее беременность разрешится благополучно и на всякий случай десятой дорогой обходила всех коз, вне зависимости от их масти. А заодно уж воздерживалась и от козьего молока, и от сыра, каковой ей навязывала вдовствующая княгиня, вестимо, тем самым намекая на неудачного первенца...

— Время и только время. И все будет пгекгасно! — Ангелина сахарно улыбалась и гладила Себастьяна по черным вихрам, тот же хмурился и, стиснув в ручонках хвост — в последний месяц тот покрылся мелкой слюдяной чешуей — взирал на матушку исподлобья. Заговаривать он не спешил, равно как вставать на ноги, предпочитая передвигаться исключительно на четвереньках.

Рождение второго сына, светловолосого и синеглазого, лучезарного, как солнце на родовом щите князей Вевельских, примирило родителей с уродством старшего. И даже известие о том, что, невзирая на все усилия Бонифация Сигизмундовича, Себастьянов горб пошел в рост, было воспринято с должной долей смирения. Взяв на руки дитя, нареченное в честь деда уже по отцовской линии, Лихославом, Тадеуш крепко призадумался и с молчаливого согласия супруги, премного довольной, что собой, что новорожденным, который выглядел именно так, как полагалось новорожденному — розовым, глазастым и очаровательным, созвал врачебный консилиум. Итогом его стала некая бумага, каковая признавала Себастьяна Тадеушевича, княжича Вевельского, негодным наследником по причине несомненного физического уродства, каковое засвидетельствовали пятеро докторов.

Бонифаций Сигизмундович был категорически не согласен, однако в кои-то веки с мнением его не посчитались. И Себастьян, урожденный и отныне ненаследный князь Вевельский, был вместе с нянькой отослан в деревню, где и провел последующие пятнадцать лет жизни.

Следует сказать, что родители, испытывая все же немалые угрызения совести, отчасти из-за совершенной по отношению к первенцу несправедливости, отчасти из-за собственной не любви, всячески пытались жизнь его скрасить. В поместье от-

правлялись учителя, ибо было писано, что ребенок испытывает немалую к учению тягу. Да и Тадеуш Вевельский, памятуя о собственном тайном позоре, строго-настрого велел розог не жалеть, но дать ребенку блестящее образование, не особо задумываясь, зачем оно в деревне.

Пускай будет. На всякий случай.

В итоге к десяти годам Себастьян весьма прилично читал и говорил по латыни, знал еще четыре иностранных языка, включая греческий и родной матушкин аглицкий, что привело княгиню в немалое душевное волнение. Она слушала сына и смахивала слезы, повторяя:

— Пгелестно! Газве это не пгелестно?

Он обладал немалыми познаниями в географии, астрономии, ботанике и истории, каковая наука давалась ему нелегко, но врожденное упрямство князей Вевельских, а также завет отца и розги не позволяли Себастьяну отступить. Сам он не мог бы с должной уверенностью сказать, нравится ли ему учеба. Она вносила в размеренное и унылое его существование некоторое приятное разнообразие. Он с удовольствием слушать о звездах и землях, расположенных за границами поместья и Вевелевкой, деревенькой, испокон веков принадлежавшей князьему роду. В иных местах Себастьяну бывать не доводилось, да и в Вевелевку он, признаться, сбежал сам, дабы убедиться, что за забором не край мира, но его продолжение. За побег был порот, что, впрочем, нисколько Себастьяна не огорчило.

Он, пусть и несколько замкнутый, остро чувствующий свою чуждость миру, обладал живым умом. И взрослея, все четче осознавал, сколь сильно отличается от прочих людей. Положение его, несоразмерно более высокое, нежели у учителей или дворни, не избавляло Себастьяна от тщательно скрываемого презрения и брезгливости. Он чуял их этаким гниловатым душком, который не способна была перебить кельнская вода. Рядом с родителями не становилось легче. И визиты их регулярные, на Вотанов день и именины, сопряженные с суетой в доме, говоря по правде, тяготили Себастьяна необходи-